В
4160
Бул

Сергѣй Булгаковъ.

ЦЕРКОВЬ и ДЕМОКРАТІЯ.

(Рѣчь, произнесенная на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ духовенства и мірянъ 2 іюня 1917 года въ Москвѣ).

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
1917 г.

Сергѣй Булгаковъ.

ЦЕРКОВЬ и ДЕМОКРАТІЯ.

(Рѣчь, произнесенная на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ духовенства и мірянъ 2 іюня 1917 года въ Москвѣ).

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
1917 г.

1в

2 экз

„Пров 38"
Пров. 1959
Пр.
В
4160
5ул
Библиотека ООН
781
39

Церковь и демократія.

(Рѣчь, произнесенная на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ духовенства и мірянъ 2-го іюня 1917 года въ Москвѣ).

Выступая впервые на этомъ съѣздѣ, который призванъ посильно выявить разумъ и самосознаніе помѣстной русской церкви, я испытываю потребность говорить прежде всего не о частныхъ ея нуждахъ, но о самоопредѣленіи церковномъ предъ лицомъ современности. Однимъ изъ камней преткновенія на этомъ пути является здѣсь могучій духовный соблазнъ, вызывающій двусмысленности, смѣшенія и подмѣны и настоятельно требующій устраненія, разъясненія и договоренности. Такимъ соблазномъ для церковнаго самосознанія нашего времени, духовнымъ его идоломъ, безспорно, является „демократія". Итакъ, рѣчь моя будетъ о церкви и демократіи.

Значеніе переворота, происшедшаго въ Россіи, не ограничивается русской жизнью, онъ есть грандіозное событіе и во всей міровой исторіи, ея всеобщій сдвигъ. Весь міръ измѣнился съ русской революціей; появилось иное соотношеніе государствъ, иное самосознаніе имперіализма, иныя задачи войны и мира. Это ясно для многихъ,

для большинства. Но не для многихъ столь же очевидно, точнѣе, ни для кого почти не ясно, что центральное значеніе во всемъ происшедшемъ имѣютъ измѣненія въ судьбахъ русской церкви, внѣшнія потрясенія, зовущія ее къ творческому выявленію подлиннаго лица, къ брачному ея часу въ исторіи. Всѣ событія русской жизни внутренно для насъ осмысливаются ихъ церковнымъ значеніемъ. Приблизился страшный и отвѣтственный часъ въ жизни Православія, когда оно призывается, оставивъ одръ свой, явить себя міру, показать ему свою единственность и красоту. Православіе, мы вѣримъ въ это, есть свѣтъ міру. Если Россія призвана сказать новое слово и обновить міръ, вливъ въ него новыя духовныя силы, то она можетъ это лишь чрезъ Православіе, поскольку явится оно въ своей силѣ и славѣ. Судите же, какъ велика, до изнеможенія велика отвѣтственность, лежащая и на насъ, здѣсь собравшихся, за то, что мы сдѣлаемъ и чего не сдѣлаемъ, и прежде всего за то, какъ осознаемъ мы себя и самоопредѣлимся въ Православіи. Хотя въ Россіи не мало происходитъ теперь многошумныхъ съѣздовъ, но по истинѣ не можетъ быть собранія, болѣе важнаго и творческаго. За то, что изнесемъ мы здѣсь изъ сокровища нашего сердца, мы отвѣчаемъ предъ церковью, предъ родиной, предъ всѣмъ человѣчествомъ.

И прежде всего намъ надлежитъ осознать церковную свою стихію въ ея своеобразіи и несмѣшанности, и въ частности надлежитъ точнѣе провести грань, установляющую различіе между

церковью и демократіей, отвергнуть церковный соблазнъ демократіи. Послѣдній же возникаетъ тогда, когда мы самую церковь начинаемъ мѣрить демократіей, вмѣсто того, чтобы эту послѣднюю судить по мѣриламъ церковнымъ.

Возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ любовно предостерегалъ духовныхъ чадъ своихъ: *дѣти, храните себя отъ идоловъ* (1 Іоан. 5, 21и И это изрекъ онъ, конечно, и для всей церкв). и на всѣ ея времена. Всегда подстерегаетъ насъ опасность идолопоклонства, хотя самые идолы и мѣняются въ исторіи. Идолопоклонство связано съ затемненіемъ церковнаго сознанія и измѣною высшимъ и безусловнымъ цѣнностямъ ради относительныхъ и условныхъ, смѣшеніемъ временнаго и преходящаго съ пребывающимъ и вѣчнымъ.

Когда церковь, послѣ короткой и радостной поры первохристіанства, вступила на суровую и трудную стезю исторіи, ее обстали соблазны смѣшеній: царство не отъ міра сего и свыше міра сего смѣшалось съ царствомъ этого міра, — повторилось какъ бы искушеніе въ пустынѣ, растянувшееся на всю міровую исторію. Много жертвъ принесла церковь ради этого соблазна, много ущерба потерпѣла. На западѣ такимъ соблазномъ явилась свѣтская власть папы, притязавшаго на оба меча, мірской и духовный, на востокѣ ту же роль играла священная имперія православныхъ царей. Тамъ и здѣсь церковь ради этого облекалась въ желѣзо и латы. На западѣ загорѣлись костры инквизиціи, и были объявлены ересью и ложью начала свободы для вѣры и мысли.

Благодаря этой скованности и насилію, въ качествѣ протеста, зародился церковный мятежъ реформаціи, которая отвергла, однако, уже не только соблазны и идолы, но и самую церковность, нанеся ей тяжелый ударъ. Реформація шла объ руку съ такъ называемымъ гуманизмомъ, который внушалъ человѣку вѣру въ свою неповрежденность и духовное здоровье. И становились уже ненужны ни искупленіе, ни благодатная помощь церкви, ибо гасло самое сознаніе грѣха въ человѣкѣ. Тонкій духовный соблазнъ и подмѣнъ, не примѣченный при возникновеніи, въ дальнѣйшемъ развитіи закономѣрно привелъ къ грандіознымъ послѣдствіямъ, среди которыхъ мы и живемъ. И если для насъ и теперь эти духовные подмѣны и смѣшенія кажутся иногда неважными приспособленіями, не имѣющими серьезнаго значенія, то надо вѣдь помнить, что всѣ великія историческія событія прежде всего совершаются въ мірѣ духовномъ, зарождаются въ человѣческихъ душахъ, въ ихъ религіозномъ самоопредѣленіи.

На востокѣ, какъ и на западѣ, церковь стала недуговать государственностью вслѣдствіе недолжнаго смѣшенія обѣихъ этихъ областей. Какъ ни была глубока и значительна идея православнаго царства сама по себѣ, но все труднѣе становилось узнавать ее въ исторіи, гдѣ монархъ принималъ обличье языческаго Ксеркса, а на церковную жизнь тяжело ложилась казенщина. Соблазнъ церковный утверждался въ неразрывной формулѣ: „православіе и самодержавіе“, которыя разсматри-

вались какъ нерасторжимое и существенное единство. Но грянулъ ударъ грома, и отъ трона самодержавія остались одни щепы. Изъ книги живота оказалось изглажено это *и*, которымъ соединено было православіе *и* самодержавіе. И друзья и недруги видятъ, что православіе остается теперь одно, безъ самодержавія, волей-неволей призванное опознать собственную свою природу.

Но здѣсь-то, на порогѣ новой эпохи, въ трудную минуту исторической растерянности и смущенія, насъ опять подстерегаетъ новый и вмѣстѣ старый соблазнъ: отдаться новому господину, склониться предъ новымъ идоломъ. Такимъ господиномъ въ наши дни является не самодержавный монархъ, но самодержавный народъ, демократія. И передъ новымъ самодержавіемъ привычнымъ жестомъ сгибаются колѣна, за страхъ или за совѣсть. Однако не должно сгибаться высшему началу предъ низшимъ, и невмѣстно церкви заискивать предъ демократіей. Въ сей часъ историческаго испытанія по-новому предостерегающе звучитъ намъ слово апостола: „дѣти, храните себя отъ идоловъ“!

Безъ сопротивленія сданы были старыя позиціи, которыхъ некому оказалось защищать. Церковное общество съ открытымъ сердцемъ пошло навстрѣчу свободѣ народной, обѣщанной народовластіемъ, оно слилось съ народомъ въ его политической веснѣ. И вмѣсто „истинно русскихъ“, монархическихъ началъ стали все чаще провозглашаться „демократическія“. Въ церковныхъ кругахъ стала все настойчивѣй подчеркиваться приверженность

православія къ „демократіи“ и желаніе на всѣ лады „демократизировать“ православіе; это почти становится требованіемъ хорошаго тона въ наши дни. Пастыри и люди церкви въ большинствѣ случаевъ искренно, не за страхъ, а за совѣсть идутъ съ народомъ въ его освободительномъ порывѣ. Ибо всегда была народна и жила съ народомъ наша церковь. Въ ней нѣтъ того аристократизма князей церкви, воинствующаго клерикализма и политиканства, которое отличало католичество, вызывая ссору государства съ церковью. Православіе есть, дѣйствительно, народная церковь, даже больше того: по бытовому своему укладу простонародная, мужицкая. Поэтому нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго въ этомъ дружелюбіи церкви по отношенію къ демократіи.

Но именно потому и въ тѣмъ большей степени существуетъ для православія соблазнъ демократіи, эта готовность мѣрить себя по демократіи, превративъ ее въ идола, въ какого ранѣе превращено было самодержавіе. Поэтому-то и надлежитъ настойчиво различать природу православія и демократіи: между ними возможно и сближеніе, и расхожденіе, въ зависимости отъ того, *чѣмъ* духовно оказывается демократія.

Смѣшенію этихъ различныхъ стихій благопріятствуетъ и самое строеніе православной церкви, которое извнѣ легко сближается съ демократическимъ, именно ея соборность. Соблазнъ демократіи религіозно не существуетъ для католичества, поскольку оно держится на власти клира, возглавляемаго папой: подчиненіе и дисциплина

скрѣпляютъ здѣсь тѣло церковное, торжествуетъ монархическое начало, осуществляемое папой чрезъ посредство клира, а народъ церковный остается безгласенъ. Хотя и въ православіи въ полной мѣрѣ признается іерархія, и епископатъ съ клиромъ занимаютъ необходимое мѣсто, однако единство церковное установляется не только іерархической дисциплиной, но и нѣкоей силой, именуемой *соборностью* и опредѣляемой какъ единство въ любви и свободѣ. И вотъ эту-то идею православной соборности, при современной притупленности церковнаго самосознанія, легко подмѣнить или смѣшать съ идеей народовластія, господства „воли народной“ въ дѣлахъ церковныхъ, такого же какъ и въ государственныхъ. Развѣ не наблюдается подобное смѣшеніе теперь на нашихъ церковныхъ собраніяхъ, епархіальныхъ съѣздахъ и т. под., гдѣ вопросы рѣшаются борьбою отдѣльныхъ церковныхъ группъ, а соборность понимается какъ господство захватившаго власть большинства? Такое проникновеніе началъ демократіи въ церковную жизнь означало бы обѣдненіе и обмірщеніе послѣдней.

Церкви нужна свобода, которой лишена она была при старомъ строѣ. Если ей дастъ это благо демократія, она будетъ ей признательна, но что можетъ прибавить церкви эта ея „демократизація“? Развѣ и безъ этого не была она съ народомъ въ его радости и печали? Или не народны были великіе угодники русской церкви, преподобные Сергій и Серафимъ? Или не народны о. Амвросій Оптинскій и другіе чтимые старцы, которые блюли

и блюдутъ совѣсть народную въ такой мѣрѣ, въ какой это и не снилось демократіи? Нѣтъ, русскому православію нечему въ этомъ отношеніи учиться у демократіи, оно должно оставаться прежде всего самимъ собой во всей серьезной важности своего вѣроученія. Тѣмъ самымъ и черезъ то оно и пребудетъ, если не „демократическимъ“, то народнымъ.

Да и что же такое, наконецъ, есть эта демократія, къ которой желаетъ во что бы то ни стало приблизиться часть нашего церковнаго общества? Что представляетъ собой въ *религіозномъ* смыслѣ эта „воля народная“, на которую теперь ссылаются какъ на высшій и непререкаемый авторитетъ? Есть ли народъ демократіи именно тотъ самый народъ, о которомъ говоритъ апостолъ, обращаясь къ своей паствѣ: вы „родъ Божій, царственное священство, народъ святой“ (1 Петр. 2, 9)? Очевидно, еще нѣтъ, ибо демократія можетъ имѣть разное лицо, и воля народная способна опредѣляться различно. Одна и та же „демократія“ іерусалимская вопіяла „осанна“ и постилала ризы свои на пути при входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ, но она же нѣсколькими днями позже изъявляла „волю народную“ воплемъ: „распни, распни Его!“ Очевидно, воля народная одинаково способна какъ вдохновляться истиной, такъ и затемняться ложью, доходя до звѣрства, тираніи, кощунства. Суевѣрное преклоненіе предъ „волей народной“, лежащее въ основѣ культа демократіи, родилось изъ обожествленія грѣховнаго человѣка, взятаго въ множе-

ственности или совокупности своей. Глашатаемъ этой вѣры еще въ XVIII вѣкѣ явился Руссо, вѣрившій, что существуетъ „общая воля, которая постоянна, незыблема и чиста“, при чемъ ее нужно только выявить или открыть всеобщимъ голосованіемъ. Она, эта воля, обладаетъ истинностью, она и есть самодовлѣющій путь, истина и жизнь. Столь дерзновенно противопоставляется здѣсь непросвѣтленная стихія народа Свѣту міра, который есть единственно Путь, Истина и Животъ. Можно ли смѣшивать такое человѣкобожіе съ христіанской вѣрой? Это ученіе о непогрѣшимости человѣчества въ его групповомъ, классовомъ или государственномъ объединеніи еще больше утвердилось въ XIX вѣкѣ, особенно въ Германіи. Нѣмецкій же духъ вліялъ и вліяетъ всего сильнѣе на русскій соціализмъ, имъ запечатлѣно самосознаніе и нашихъ соціалистическихъ партій. Пускай и въ наукѣ давно уже возбуждаетъ сомнѣнія это ученіе о волѣ народной, однако въ массахъ все еще незыблемо держится это самообожествленіе толпы. Но это самоослѣпленіе не должно имѣть никакой убѣдительности для церкви.

Нѣтъ спора, что въ своей собственной области, соціальной и политической, демократія имѣетъ свою правду и свои права. Голосъ большинства, подсчетъ голосовъ является единственнымъ и сравнительно наилучшимъ средствомъ для обнаруженія народныхъ интересовъ и нуждъ, и не слѣдуетъ подвергать сомнѣнію *этотъ* смыслъ демократіи и ея годность. По вопросамъ хозяйственнымъ, соціальнымъ, правовымъ пусть рѣ-

шаетъ народъ большинствомъ своихъ голосовъ. Но эта практическая цѣлесообразность демократіи нисколько не утверждаетъ за ней священнаго или мистическаго авторитета, на который она притязаетъ. Демократія можетъ возвыситься до великаго подвига, но можетъ и опуститься до низкаго озвѣрѣнія и тираническаго буйства, и ея именемъ не можетъ быть оправдываемо безбожіе и кощунство, насиліе и преступленіе. И насколько грѣшили тѣ, которые поклонялись самодержавію монарховъ, какъ бы оно себя ни пятнало, столь же грѣшатъ теперь и тѣ, которые поклоняются „самодержавію народа“, въ чемъ бы оно ни выразилось. Ибо и народъ, какъ и цари, долженъ творить не свою волю, но Божію, осуществлять чрезъ себя боговластіе (теократію). Задачей церкви является поднимать, воспитывать демократію, приближать ее къ достоинству „рода Божьяго, царскаго священства“, но не принижаться до нея во всей ея неопредѣленности и многоликости.

Исторія новаго времени знаетъ разные типы демократіи. Самый положительный это тотъ, который созданъ былъ англійской революціей, происшедшей одновременно съ реформаціей и сопровождавшейся огромнымъ подъемомъ религіозныхъ настроеній. Тогда и была заложена основа той силы и здоровья, которыя отличаютъ Англію и въ наши дни; религіозныя настроенія англосаксонскаго мира имѣли опредѣляющее значеніе и при зарожденіи новой американской республики, основанной выходцами реформаціи. На-

противъ, есть другой типъ демократіи, который опредѣлился во враждебности къ христіанству: въ XVIII вѣкѣ такъ было во Франціи, гдѣ великая французская революція сдѣлала попытку замѣнить христіанство почитаніемъ богини Разума, а въ XIX вѣкѣ здѣсь получила опредѣляющее значеніе германская соціалъ-демократія съ ея тупымъ и самодовольнымъ атеизмомъ. И въ душѣ русской демократіи, несомнѣнно, происходитъ теперь борьба изъ-за того, пойдетъ ли она съ Христомъ или противъ Христа, въ единомыслiи съ церковью или во враждѣ къ ней, и имѣется немало уже признаковъ и послѣдняго.

Вотъ какъ сложны отношенія, существующія между демократіей и церковью, и это не позволяетъ намъ прямо ставить между ними знакъ равенства. Церковь есть высшее, безусловное начало жизни, царство не отъ міра сего, хотя и имѣющее задачей возвышать до себя міръ, демократія же есть только природное человѣчество въ грѣховномъ его состояніи, иногда просвѣтляющееся и вдохновляющееся, порою же принимающее образъ звѣриный. Она сама необходимо нуждается въ руководствѣ духовномъ. Глубоко различны законы жизни въ церкви, какъ обществѣ Божественномъ, и въ демократіи, какъ обществѣ человѣческомъ. Въ первомъ имѣетъ силу законъ любви, самоотреченія, послушанія, во второмъ — солидарности интересовъ, борьбы за права и ихъ разграниченіе. Церковь есть тѣло Христово, организмъ, состоящій изъ многихъ и разныхъ членовъ. Хотя всѣ едино во Христѣ, и не различается ни

полъ, ни народность, ни общественное положеніе, но всѣ остаются при этомъ и глубоко различны, какъ органы тѣла, и стремленіе къ равноправію, борьба за равенство разрушали бы церковь. Она іерархична сверху донизу въ своемъ строеніи, и голосъ большинства тутъ отнюдь не имѣетъ безспорнаго значенія, ибо одинъ святой подвижникъ можетъ значить здѣсь больше, чѣмъ множество рядовыхъ ея членовъ. Для демократіи же нѣтъ іерархіи и личнаго авторитета, она стоитъ на стражѣ равенства, утверждаемаго правами большинства. Но предъ лицомъ церкви нѣтъ у насъ правъ, а есть только обязанности: предъ высшей правдой мы чувствуемъ себя какъ „рабы неключимые“, призванные сотворить свою службу. Напротивъ, для демократіи высшимъ началомъ является утвержденіе правъ и охрана интересовъ.

Руководящимъ для насъ примѣромъ да послужитъ самая радостная и свѣтоносная пора въ исторіи церкви, — первохристіанство. Было ли первохристіанство „демократично“? Стремилось ли и оно къ „всесторонней демократизаціи“ церковной жизни, какъ теперь? Извѣстно, что по своему составу первохристіанство было въ высшей степени народно и даже простонародно, — „демократично“: въ составѣ его общинъ преобладали представители низшихъ классовъ и даже рабы, безправные и всюду пренебрегаемые. И, однако, здѣсь мы не наблюдаемъ чего-либо, напоминающаго теперешнюю „демократизацію“ съ ея борьбой за права и стремленіемъ къ равенству. Ап. Павелъ увѣщеваетъ каждаго оставаться въ томъ

званіи, въ которомъ онъ призванъ, и памятовать объ обязанностяхъ, имъ налагаемыхъ, для рабовъ однихъ, для господъ другихъ. Онъ предостерегаетъ также, чтобы церковное равенство не становилось предлогомъ къ равноправію, и такимъ образомъ „благочестіе не служило бы для прибытка". Напротивъ, положеніе въ церковной жизни опредѣлялось личнымъ значеніемъ, и рабы могли занимать здѣсь и высшія мѣста, напр., епископа. Корсче говоря, въ первохристіанствѣ отсутствуетъ это смѣшеніе двухъ различныхъ стихій: демократіи и церковности.

Такого смѣшенія слѣдовало бы избѣгать и въ русской церкви. Это не только соотвѣтствовало бы и ея высокому достоинству и духовной независимости, но было бы важно и для духовнаго здоровья нашей родины. А оно зависитъ и отъ того, насколько она убережется отъ темнаго идолопоклонства и сохранить вѣрность Христу, Который сказалъ: „не можете безъ Мене творити ничесо же". Если грядущая Россія, ея же ищемъ, станетъ строиться безъ имени Христова, если демократія россійская окажется въ духовномъ разрывѣ со святою Русью, то какую же цѣну она имѣетъ, кому она нужна, кому изъ насъ дорога будетъ отрекшаяся отъ Христа Россія? Но да не будетъ!

Итакъ, въ сей смутный и трудный часъ исторіи нашей будемъ блюсти чистоту нашего церковнаго самосознанія и особенно памятовать сердцемъ отеческое предостереженіе апостола любви: „дѣти, храните себя отъ идоловъ"!

